

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ИЛИ КАК ПОНЯТЬ ДИНАМИКУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ

РАСКОВ ДАНИЛА ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент,
руководитель Центра исследований экономической культуры,
Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: danila.raskov@gmail.com

Фрагмент из книги: Расков Д.Е. (2012). *Экономические институты старообрядчества*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 247–264.

Ключевые слова: генезис институтов; институциональные изменения; старообрядческое предпринимательство; социальные нормы.

A fragment from the book: D.E. Raskov (2012). The Economic Institutions of the Old Believers. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 247–264.

Keywords: genesis of institutions; institutional changes; Old Believers entrepreneurship; social norms.

Коды классификатора JEL: N34, O17, R11.

Для институциональной теории представляет большой интерес интерпретация усиления и замедления темпов роста старообрядческого предпринимательства в XIX в. Одним из значимых параметров при исследовании такого сложного явления, как конфессиональное предпринимательство, являются социальные и культурные нормы, которые были подробно исследованы в *Главе II*. В ходе экономического развития нормы служат источником для институциональных нововведений в организации, технологии и системе взаимоотношений. Особенно отчетливо эта роль норм проявляется при возникновении сильных внешних изменений (в политике, в технологиях, в размере рынка). Нормы, которые составляют неподверженное изменению ядро, на определенном этапе развития способствуют предпринимательской активности и могут выдвинуть группу, являющуюся носителем этих норм, в авангард институционально-экономических преобразований. Тем не менее на другом историческом этапе те же самые нормы могут стать препятствием для принятия эффективных решений. Очевидно, что в этом рассуждении мы выносим за скобки изменение самих норм, которое также происходит, но не так быстро, как изменяется внешний контекст.

Норма, которая востребована практически всегда в рамках капиталистического типа отношений, заключена в известной фразе «постоянно лишь изменение». В первой половине XIX в. старообрядцы создали разветвленную торговую и информационную сеть, доминировали на ярмарках, им удалось организовать крупные предприятия с наемными работниками из числа единоверцев, а накопленные капиталы общин вложить в выгодное текстильное производство.

Во второй половине XIX в. религиозные нормы староверов скорее препятствовали, чем способствовали активному участию в акционерных обществах, банковской деятельности, концессиях с иностранцами, в государственных предприятиях. Характер этих институциональных изменений требует пояснений.

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Для понимания институциональных изменений необходимо знание стабильных характеристик институтов, источников и характера перемен, субъектов и направления этих изменений. Иными словами, надо понимать, что представляют собой сами институты, знать, откуда происходят воздействия или влияния, провоцирующие перемены. Наконец, представляет интерес и направление изменений.

Неформальные институты, выраженные в традициях, привычках, культуре помогают людям не задумываясь участвовать в экономической жизни. Такие традиционные институты могут действовать на уровне государства или на уровне группы. Источником институциональных изменений, как правило, являются отклонения в относительных ценах, прогресс в знаниях и умениях, а также новая «картина мира», идеология, которая может быть сформирована как на основе внутренней эволюции и прозрений, так и под воздействием заимствований, в результате революций и войн.

В последнее время за институциональными изменениями усматривают эволюцию ментальных моделей (Норт 2010). Ведутся активные поиски ответов на вопросы, пересекающиеся с областью исследования когнитивных наук: откуда происходят институты, которые структурируют поведение? Как мозг человека понимает и интерпретирует окружающий мир, что делает этот мир осмысленным? Особое внимание обращается на осмысленную деятельность человека.

Обратимся к эволюционной модели упрочения новых институтов, предложенной японским экономистом и социологом Юджиро Хайями (Hayami 1998, 36–53)¹. В рамках данной модели развитие рассматривается как процесс, в котором при изменении внешнего контекста различные неформальные институты становятся основой для появления институциональных инноваций. Внешние шоки, связанные со сменой технологий, ростом рынка, удешевлением или удорожанием сырья и конечных продуктов, политическими и международными изменениями, создают потребность в новых институтах. Культурные нормы (распространенные верования, социальные нормы как стандарты поведения) играют существенную роль в адаптации к новой ситуации и появлении из «кладезя» традиций соответствующей нормы, поддерживающей новое устройство. Схематично процесс этот представлен на рис. 1:

Рис. 1. Появление новых институтов

В.Л. Тамбовцев отмечает: «... Теория индуцированных институциональных инноваций... пытается в равной мере учесть как экзогенные изменения, порождающие спрос на новые институты, так и политические и культурные ограничения на предложение “ответных” институциональных изменений ... Эта теория не только подчеркивает культурную ограниченность предлагаемых институциональных изменений, но и выдвигает на передний план в объяснении последних фактор частного дохода институционального новатора» (Тамбовцев 2005, 29–30). Конечно, у этой модели, как и у любой другой, есть свои ограничения. Упрочение новых институтов изучается как чисто экономический процесс, в котором существенную роль играют внешние «возмущения», делающие невозможным прежнюю равновесную ситуацию.

¹ Более ранняя статья — (Ruttan and Hayami 1984, 203–223) — прокомментирована В.Л. Тамбовцевым: (Тамбовцев 2005, 96–100).

Какую роль в этой интерпретации играет рациональный выбор? Из возможных вариантов, равно соответствующих культурным и социальным нормам, на основе рациональности, т. е. экономических соображений по типу «выгодно — не выгодно», происходит отбор нового институционального устройства. В качестве примера Хайями приводит институциональные изменения в организации оплаты труда при сборе риса в провинциях Филиппин, которые произошли из-за роста урожая риса². Другой пример касается восстановления института императорской власти в Японии, который смог объединить страну во второй половине XIX в. перед лицом внешних военно-политических опасностей. В целом данный подход дает возможность исследовать экономическую историю, включая в рассмотрение культурные и социальные параметры.

РАСЦВЕТ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Как было показано в *Главе II*, старообрядцы сумели основать и успешно развивать ведущие предприятия в текстильной промышленности. Наиболее характерно это стало для того периода, когда большая часть населения еще находилась в личной зависимости, и предложение свободных рук для вновь нарождавшейся промышленности имело весьма ограниченный характер. Кроме того, в первой половине XIX в. был недостаточно развит кредитный рынок, который необходим для получения первоначального капитала. Немаловажно было и то, что государство в этот период напрямую не участвовало в наиболее передовых отраслях промышленности. В условиях ограниченности на рынке трудовых ресурсов и кредитов особую роль смогли сыграть старообрядческие общины, которые именно тогда стали превращаться в экономические общности. Кредит, иногда даже беспроцентный, получают наиболее талантливые из числа староверов, на управление предприятиями община, ее совет как бы «назначает» лучших, обеспечивая ресурсами, связями, возможностью найма дополнительной рабочей силы. Это происходило с конца XVIII в. и достигло своего апогея в 1850–1860-е гг. Как ни парадоксально, но гонения времен Николая I уже не смогли оказать на этот процесс заметного влияния. Одним из косвенных последствий таких гонений стало сплочение общин, отбор наиболее сильных и волевых людей. В то же время именно тогда обозначилась внутренняя проблема управления, связанная с тем, что община и ее духовные лидеры уже с меньшим успехом могли оказывать воздействие на хозяйственную жизнь. Община, объявленная вне закона, со временем утратила способность противостоять новой тенденции перехода капиталов в личное, индивидуальное владение. Личные капиталы были законны, общинные — вне закона. По мере нарастания дифференциации доходов внутри общин эта тенденция набирает силу. Тем не менее надо признать, что относительные преимущества на рынке труда и рынке кредитов дали возможность староверам развивать наиболее доходные отрасли хозяйства, неподконтрольные государству.

Первоначально капиталы накапливались в основном в торговле. Вплоть до прихода к власти большевиков староверы сохраняли прочные, доминирующие позиции в торговле хлебом, железом, кожей, продуктами питания. Торговлю вели индивиды, но они представляли, как правило, корпорации, которые несли коллективную ответственность и служили дополнительными гарантами по сделкам. Трудолюбие, осторожность и аскетизм староверов всегда способствовали накоплению капиталов, дополнительному доверию. Определенные аналогии могут проводиться с описанием духа капитализма через представления Б. Франклина. Кредитоспособность — да, трудолюбие — да, экономность, близкая к скупости — да. Аналогия для первой полови-

² Поясним модель появления новых институтов с помощью примера об эволюции контрактов по сбору риса. В отличие от Японии и Китая на Филиппинах значительно выше процент использования наемной рабочей силы: более 70% риса убирают наемные работники. Это связано с общинными принципами и особыми условиями выращивания риса. Наиболее распространенный контракт именовался «хунусан», что означает коллективное, совместное использование. Согласно утвердившейся общинной практике «хунусан» заключался на один день и предполагал, что в конце рабочего дня наемный работник получал 1/6 собранного урожая. В 1960-е гг. совершенствуется сельскохозяйственное производство: появляются новые сорта растений, расширяется ирригация, начинают активно применяться химикаты, появляется новая техника. Это стало тем внешним обстоятельством, которое подняло урожайность риса. Традиционная система однодневных контрактов «хунусан» уже не могла отвечать запросам времени. Началось экспериментирование с новыми правилами контрактов. Одной из форм могла стать рыночная, однако она радикально отличалась от предшествующей системы и нарушала принцип общинной солидарности и персональный характер отношений между хозяином и наемным работником. Как показывает Хайями, из «кладезя» традиционных норм был извлечен еще один контракт — *гама*, что означает «прополка». Новый контракт «гама» отличался от «хунусан» тем, что право на уборку риса надо было заслужить бесплатным участием в прополке. Тем самым сохранялась старая система вознаграждения, согласно которой 1/6 урожая шла работнику. Примерная оплата этого труда выровнялась с общими рыночными условиями.

ны XIX в. далеко не исчерпывающая, поскольку не было еще индивидуального предпринимательства в полном смысле этого слова. Пример со снабжением хлебом Петербурга поморцами, поддерживаемыми киновиарами Выговской пустыни, показывает, что внешние изменения воздействовали на выбор наиболее эффективных институтов, которые в то же время соответствовали «картине мира». В условиях, когда стало очень выгодно скупать мелким оптом зерно в низовых городах Волги, староверы смогли создать разветвленную торговую сеть, охватывающую большие территории, благодаря вовлечению своих единоверцев. Общинная организация торговли, которая велась в условиях конспирации, оказалась ответом на внешние условия и отвечала внутренним потребностям развития общины.

Поистине небывалых размеров достигло участие старообрядцев в развитии экономики Центрального промышленного района. Их успехи в текстильной промышленности России имеют институциональное объяснение. Упрочение новых институтов в организации производства, найме работников, внедрении технологических инноваций не случайно в большей степени были характерны для предпринимателей из среды старообрядчества. Изменяющиеся внешние условия предоставляли для всех возможность проявить себя в создании и дальнейшем расширении текстильных фабрик, но культурные и социальные нормы староверов позволили именно им использовать эти благоприятные обстоятельства для собственного преуспевания и экономического благоустройства России.

Хлопчатобумажная промышленность не зависела от спроса со стороны государства, а ориентировалась на широкий потребительский рынок. Первоначально она развивалась на основе традиционных крестьянских промыслов по изготовлению тканей. Скупщики холстов раздавали суровые хлопчатобумажные материи для нанесения расцветки («набивки»). Первым налаживается ситцепечатание, следующим шагом становится изготовление тканей из ввозной пряжи — бумажное ткачество, значительно позже получает развитие бумагопрядение³. Наряду с введением тарифа 1822 г., установившего высокие пошлины на ввоз готовых тканей и низкие — на пряжу, были и другие серьезные причины, связанные с развитием новых технологий на каждой стадии хлопчатобумажного производства. «Основная причина развития хлопчатобумажной промышленности в XIX веке не только в России, но и во всех других цивилизованных странах, — пишет блестящий знаток развития фабрик в дореволюционной России М.И. Туган-Барановский, — заключалась в том, что благодаря применению машин к пряденью и ткачеству хлопка бумажные ткани сделались самым дешевым предметом одежды. Чем беднее в стране масса населения, тем большим распространением в ней должны пользоваться бумажные материи» (Туган-Барановский 1997, 125). Ежегодный ввоз в Россию хлопка-сырца увеличился с 5 тыс. пудов в 1812–1815 гг. до 262 тыс. пудов в 1856–1862 гг., ввоз бумажной пряжи сохранялся на том же уровне, а продажная цена пуда английской бумажной пряжи с 1822 по 1845 г. сократилась почти вдвое (Туган-Барановский 1997, 123, 125).

Что из сказанного наиболее важно для настоящего исследования? *Во-первых*, текстильное производство сосредотачивалось в рамках отдельных семейных артелей, которые пряли, ткали, окрашивали. С расширением производства к нему привлекались родственники, знакомые (Шульце-Геверниц 1899, 22–23). Семья в русской хлопчатобумажной промышленности продолжала играть известную роль на протяжении всего XIX в. Достаточно вспомнить династии старообрядцев Морозовых, Рябушинских, Хлудовых, Шелапутиных. Эта отрасль промышленности быстро развивалась естественным образом благодаря предприимчивости, свойственной русскому крестьянству. *Во-вторых*, технический прогресс, толчком к которому послужило изобретение в 1794 г. машины для очистки хлопка от семян, стал причиной удешевления привозного сырья для шелковых и хлопковых тканей и, как следствие, — смены сырьевой базы в текстильной промышленности с льна и пеньки на хлопок и шелк (анализ этой смены см. ниже) (Данилевский 1934, 44; Сыромятников 1925, 70).

В подобных внешних условиях старообрядцам сослужили службу их традиционные культурные и социальные нормы. Имеется в виду интенсивный труд по 10–12 часов, бережливость в расходовании средств и преимущественное финансирование расширения дела, доверие со стороны односельчан, которые давали им деньги под незначительные проценты, что открывало возможность аккумулировать ресурсы для модернизации текстильного производства. Достаточно вспомнить уже приведенный пример стремительного роста хлопчатобумажного дела в руках Саввы Морозова, который из крепостного крестьянина стал крупнейшим фабрикантом России.

Становится предельно ясно, что купцы из среды старообрядчества далеко не случайно оказались ведущими промышленниками в относительно новой хлопчатобумажной индустрии,

³ См.: Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М. 1997. 30–32; (Туган-Барановский 1997, 121–125, 152–155).

которая во многом стала локомотивом всей промышленности России. Для полноты картины остается ответить еще на один вопрос о соотношении различных отраслей текстильного производства: насколько в целом для экономики России было выгодно в то время развивать хлопчатобумажное производство, требующее импорта сырья, когда в самой стране было необходимое сырье для льняного производства?

Для разъяснения этого вопроса целесообразно представить в виде таблицы ценообразование на конечную продукцию (уже набитый миткаль) в России 1840-х гг.⁴:

Пуд иностранного хлопка	22 руб. асс.
Обработанный в бумажную пряжу	65 руб. асс.
На миткаль (ткачество).....	100 руб. асс.
Выкрашенный миткаль	140 руб. асс.
Набитый миткаль	240 руб. асс.

Видно, что себестоимость сырья, закупаемого за рубежом, составляет менее 10% от стоимости конечной продукции. Даже если учесть расходы на краски, которые требовали дополнительно 18 руб. асс., прядение, ткачество, набивка и покраска хлопка в 6 раз увеличивали стоимость завозимого сырья. С экономической точки зрения хлопчатобумажная промышленность приносила экономике России существенную пользу. Оговоримся, что развитие хлопчатобумажной промышленности было выгодным в конкретных условиях, когда существовала протекционистская политика и производители были ограждены от внешней конкуренции. Автор статистического обзора считал, что успехи эти искусственны и приносят только вред потребителям, которые покупают более дорогие и менее качественные товары, а огромные капиталы сосредотачиваются в руках немногих (*де Ливрон* 1875, 119–120).

Таким образом, изменявшиеся внешние условия (тарифная политика, технологические изобретения, растущие потребности населения) предоставляли новые возможности для предпринимательства всем торговцам и промышленникам, но именно особые черты старообрядческого миропонимания, которое проявлялось в серьезном отношении к делу, бережливости, трудолюбию и корпоративности, позволили его приверженцам использовать благоприятные внешние обстоятельства для создания и расширения собственных текстильных предприятий. Таковы выводы, которые касаются главным образом 1820–1867 гг.

К концу XIX в. наиболее яркие представители старообрядческого предпринимательства лишь усиливают свои позиции. Разветвленная промышленная и финансовая деятельность династий Морозовых и Рябушинских достигает к этому времени небывалых размеров. Достаточно упомянуть, что четыре ветви потомков основателя промышленного дела — Саввы Васильевича Морозова (1770–1862) — контролировали деятельность четырех крупнейших хлопчатобумажных фабрик конца XIX в. Никольская мануфактура Саввы Морозова-сына и К°, оборудование для которой поставила контора Л. И. Кнопа, Бумагопрядильня Викулы Морозова, Богородско-Глуховская мануфактура «Захаровичей» и Тверская мануфактура «Абрамовичей» к 1890-м гг. стали самыми значительными по оснащению, качеству продукции и валовому обороту. В 1890 г. Никольская мануфактура была вторым по стоимости выработки предприятием страны и уступала лишь Одесскому сахарорафинадному заводу. Все четыре фабрики вошли в число двадцати самых мощных предприятий, их суммарный выпуск оценивался в 35 млн руб. с лишним, что составляло почти 7% от всего выпуска хлопчатобумажной промышленности страны (*Будагов* и *Орлов* 1894, IV, IX)⁵. Успехи Рябушинских также очень часто оказываются в центре внимания экономистов-историков. Кроме крупного объединения хлопчатобумажных фабрик, Рябушинские основывают Московский банк, учреждают общество «Русский Север», деятельность которого направлена на промышленное освоение Севера, строят в Москве автомобильный завод, вкладывают капиталы в металлургию Урала и добычу нефти Кавказа (*Сметанин* 2000, 280–281; *Петров* 1997).

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Не менее любопытным является вопрос о причинах относительного снижения деловой активности старообрядцев на фоне более быстрых темпов развития экономики страны к концу

⁴ См.: Обзорение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб. 1845.

⁵ Кто из семьи Морозовых к какому согласно принадлежал см. в познавательной статье *Н.А. Филаткиной* (*Филаткина* 1997, 84–88). О династии Морозовых см.: (*Бурышкин* 1991; *Иоксимович* 1915; *Морозова* и *Поткина* 1998).

XIX в. Напомним, что институциональная модель упрочения новых институтов демонстрирует, каким образом происходит поиск и отбор экономических институтов. Изменения во внешней по отношению к устоявшемуся хозяйственному укладу среде приводят к новой ситуации, когда востребованными оказываются уже иные культурные и социальные нормы. Тот факт, что нормы не успевают приспособляться к внешним изменениям, позволяет предположить, что они, формируясь вокруг четко очерченного консервативного «ядра», характеризуются низкой степенью адаптивной эффективности. «Новаторство в рамках традиций» в этом смысле имеет очевидные ограничения, поскольку сохраняет базовые ценности неизменными.

Характер внешних изменений определяет качественные параметры мировоззрения и стандартов поведения, которые наиболее адекватны новым экономическим условиям, и в то же время ослабляет экономический эффект от традиционного поведения, которое было востребовано на предыдущем этапе исторического развития. Это особенно справедливо для традиционного общества, где наиболее распространено поведение, которое в типологии Вебера получило название ценностно-рационального. Экономика в таких обществах не могла быть целью в себе, гораздо большее значение играли ценности, этические представления, которые составляли не подлежащее изменениям и приспособлениям устойчивое «ядро».

Концепция «ядра» оказывается важной для понимания норм старообрядчества как цельной системы мировоззрения. Среди культурных и социальных норм далеко не все могут подлежать изменению. Мировоззренческое ядро закрепляется за зримыми знаками истины. Для сохранения системы, находящейся в неустойчивом состоянии, необходимо наличие незыблемого элемента, вокруг которого происходит консолидация всей системы. В противном случае она погибает или превращается в другую (Дубинин 1999, 60).

Ядро убеждений, которое разделяли староверы, было сформировано задолго до XIX в. Активное включение в процесс модернизации размывало ядро староверия, а следовательно, приводило к тому, что купцы переходили в единоверие и православие либо к номинальному староверию. Более того, есть основания предполагать, что именно традиционное мировоззрение и сформировавшиеся культурные нормы не позволили староверам активно включиться в новый виток модернизации России на рубеже XIX–XX вв., поскольку требовалось тесно взаимодействовать с государством и иностранцами, отходить от семейных и общинных форм ведения дела, участвовать в светской жизни.

Отсутствие социальной однородности и усилившееся имущественное расслоение внутри старообрядчества стало одной из причин относительного уменьшения роли староверов в экономике России конца XIX в. Приходится признать, что нередко социально-групповые интересы брали верх над идеей религиозного единства. Степень религиозного неприятия мира часто была непосредственно связана с социальным положением. Например, третье поколение купцов-старообрядцев уже охотно принимало нормы, свойственные своему социальному слою: фрак сменял кафтан; такие светские развлечения, как театр, скачки постепенно входили в обиход. Нередки были случаи получения образования за границей. Светская культура вытесняла религиозную. В этом состоит одно из противоречий взаимодействия религиозной и экономической жизни.

Благодаря капиталам купцов общинам в прямом смысле удается выжить, переносить преследования. Фигура купца зачастую находится в центре не только материальной и организационной, но и духовной жизни общин. Однако все равно на определенном этапе возникает необходимость выбора между светской экономикой и религией, а компромисс в таких вопросах оборачивается, с одной стороны, «оскудением веры», с другой — потерями в эффективности. Поэтому одни лишь формально сохраняют приверженность староверию; другие отказываются от выгодных предприятий, сохраняя традиционный и размеренный уклад жизни, частью которого является предпринимательская деятельность. Оба процесса вместе приводят к ослаблению старообрядческого предпринимательства.

ВНЕШНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

В усилении противоречий между нормами, задаваемыми религией, и хозяйственной практикой огромную роль сыграли изменившиеся условия ведения бизнеса. В чем состояло изменение внешних условий развития старообрядческого предпринимательства? К концу XIX вв. экономике страны гораздо большее значение, чем в предшествовавший период, приобретает государство. По сути, в развитии железнодорожного строительства и связанных с ним горнодо-

бывающей и машиностроительной промышленности оно становится если не главным предпринимателем, то, во всяком случае, неизменным участником в распределении заказов, в выдаче разрешений и лицензий. Старообрядцы же в массе своей привыкли действовать автономно и не подчиняться чиновникам. Текстильная промышленность в этом отношении представляла собой редкое исключение, поскольку развивалась естественно и органично, без прямого участия власти.

Кроме более активного участия государства, для этого периода характерно увеличение влияния иностранного капитала. Интенсивно развивается банковская деятельность, растет акционерный капитал, деловой центр постепенно перемещается из Центрального промышленного района, где традиционно были сильны староверы, на Север, к Санкт-Петербургу, и на Юг, к новым добывающим и перерабатывающим металлургическим комплексам. Доля Санкт-Петербургских банков в основных активах всех кредитных институтов России в 1893 г. составляла 20,8 %, а в 1914 г. — уже 43,7 % (Crisp 1967, 192–195).

Бурный рост кредитно-финансовой сферы, ориентированной на государственные заказы и спекуляции, развитие горнозаводской и металлургической промышленности, железнодорожное строительство происходили главным образом без участия староверов. Тип осторожных и медлительных деловых людей, которые живут в согласии с совестью и «решения принимают не сразу, а выжидая, но раз оно принято, гнут линию упорно и тягуче, несмотря на неудачи», по образному выражению Вл. Рябушинского, «умирал» в гнилой и заплесневелой атмосфере Петербурга (Рябушинский 1994, 136). Этот тип «русского мужика», который чувствовал себя в Москве первым человеком, терялся в столичных банковских и чиновничьих кругах и вытеснялся «иноверцами» и «инородцами».

К началу XX в. деловую элиту России составляли предприниматели с иными, чем у староверов, религиозным мировоззрением и этническим происхождением. Значительное число крупнейших дельцов являлись иностранцами либо представителями других конфессиональных меньшинств. Петербургский деловой стиль был чужд старообрядцам. Столичные дела обычно велись сверху вниз, старообрядцы же были более способны к самоорганизации, к движению снизу, которого так не хватало рыночной экономике России.

ДВОЙСТВЕННАЯ РОЛЬ НОРМ

Внешние условия хозяйствования в начале и в конце XIX в. коренным образом различались. Как показало более детальное рассмотрение экономической истории, общая неразвитость рыночных отношений в начале XIX в. — отсутствие рынка рабочей силы, слабое развитие торговых связей, покрывающих всю страну, недоступность кредита, дефицит капитала — позволили староверам задействовать традиционные социальные нормы для первоначального накопления и создания разветвленных торговых сетей (Расков 2004, 312–321), ремесленных и промышленных предприятий. В текстильной промышленности этому также благоприятствовало дешевое сырье, усовершенствование технологического процесса и охранительный тариф на импорт готовых изделий из хлопка и шерсти. В этих условиях востребованы оказались самоорганизация, накопление, основанное на труде, общинное аккумулирование капиталов. Трудолюбие и бережливость открывали возможности для накоплений, доверие к «бородачам» позволяло налаживать хозяйственное и информационное взаимодействие, нанимать рабочую силу и активно развивать семейно-общинный тип капиталистического хозяйства⁶.

В последней трети XIX в. активную промышленную политику начинает проводить государство, с которым у староверов всегда были сложные отношения (постоянная угроза новых гонений и использование коррупции среди чиновников), на российском рынке все более значимую роль начинают играть иностранные предприниматели и иностранный капитал, все шире развиваются формальное право, акционерные формы собственности и банковский сектор. В этих условиях ресурсы и относительные преимущества социальных норм староверов уже не могли быть задействованы в наиболее стремительно развивающихся отраслях хозяйства. Конечно, староверы сохраняют свои позиции, но развитие происходит более низкими темпами по сравнению с самыми динамичными отраслями, такими как добыча полезных ископаемых, железнодорожное строительство, химическая промышленность, кредитный сектор. Как показано

⁶ В.В. Керов выделяет два исторических типа организации дел у староверов: артельно-общинный и корпоративный.

в табл. 1, одни и те же характерные черты старообрядцев могли даже препятствовать новому витку секулярного развития экономики.

Таблица 1

Социальные нормы староверов: преимущества и недостатки⁷

Характерная черта	Преимущества	Недостатки
Трудолюбие	Высокая производительность, самоорганизация	Сохранение трудоемких производств; уменьшение числа стимулов для адаптации/внедрения новых технологий
Бережливость	Прибыль для инвестиций, самофинансирование	Низкое участие в банковских операциях, в привлечении иностранного капитала
Доверие	Беспроцентный кредит, доступность рабочей силы, возможность заменить закон нормами.	Слабое использование безличного рыночного механизма
Общинность	Тесные экономические связи, низкие издержки принуждения	Замкнутость, ассоциативная связь иностранного бизнеса и государства с грехом, ограничения в развитии новых производств и освоении новых регионов

Трудолюбие способствовало высокой производительности труда и самоорганизации, но могло препятствовать заимствованию капиталоемких (трудосберегающих) технологий. Бережливость, привычка полагаться на собственные силы давали возможность быстрее накапливать капитал, но в то же время являлись альтернативой участию в банковских операциях и привлечению иностранного капитала. Доверие среди своих предоставляло возможность опираться в экономических отношениях на неформальные правила, получать беспроцентный кредит, обмениваться информацией, но одновременно заставляло с опаской относиться к новым безличным институтам рыночного механизма, когда решающее значение придавалось не доверию к человеку или общине, а цене и закону. Тесные связи в семейных и общинных отношениях позволяли экономить на транзакционных издержках в торговле и предпринимательстве, но могли приводить к замкнутости и нежеланию участвовать в государственных проектах.

Отдельный вопрос состоит в том, насколько в процессе внешних экономических изменений менялись сами нормы. Безусловно, они также были подвержены изменениям, что, в частности, прослежено в *Главе II*. Тем не менее трактовка, которая представлена выше, исходит из того упрощенного взгляда, что в нормах сохранялось определенное традиционное ядро.

Подведем итоги институционального исследования старообрядческого предпринимательства, основной целью которого было выявление взаимосвязи норм и экономического развития. Факты свидетельствуют, что старообрядцы были гораздо более активны в промышленных и торговых делах, чем основное население. В то же самое время исследования показали, что к концу XIX в. происходит относительное снижение их роли в экономике страны. Внешние изменения задают спрос на институциональные новации. Базой для подобных нововведений являются культурные и социальные нормы или «кладезь традиций». Отбор осуществляется эволюционно, на рациональных основаниях. Для исследования динамики хозяйственных процессов необходимо учитывать следующие параметры: внешние изменения, культурные и социальные нормы и результат, т. е. принятые институциональные новации. Как представляется, нам удалось показать двойственную роль норм, которую они имели в разные периоды времени и под воздействием разных внешних обстоятельств. Если в условиях крепостного права и неразвитости рыночных отношений, нормы сложившиеся в общинах староверов, помогали формированию новых институтов в промышленности и торговле, то в обстоятельствах конца XIX в. эти же нормы становились препятствием для дальнейшей экспансии.

ЛИТЕРАТУРА

Будагов С.Г. и Орлов П.А. (1894). Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. 3-е изд. СПб.

⁷ Эта таблица разработана по рекомендации Мэри Ширли (*Mary Shirley*).

- Бурьшкин П.А.* (1991). Москва купеческая. М.
- Данилевский В.* (1934). Очерки истории техники XVII–XIX вв. М.–Л.
- Дубинин Аполлинарий О.* (1999). Культура сохранения канонического и обрядового наследия дореформенного чина в литургическом круге // *Древлеправославный вестник*. № 2.
- Иоксимович Ч.М.* (1915). Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М.
- Ливрон де В.* (1875). Статистическое обозрение Российской Империи. СПб.
- Морозова Т.П. и Поткина И.В.* (1998). Савва Морозов. М.
- Норт Д.* (2010). Понимание процесса экономических изменений. М. Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб. 1845.
- Петров Ю.А.* (1997). Династия Рябушинских. М.
- Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М. 1997.
- Расков Д.Е.* (2004). Торговля и хозяйственная этика раннего старообрядчества (из истории Выговской поморской пустыни) // *Экономическая история России: проблемы, поиски, решения*. Ежегодник. Вып. 6. М.; Волгоград.
- Рябушинский В.* (1994). Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.
- Сметанин С.И.* (2000). Второй этап индустриализации России / *Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд*. М.
- Сыромятников Б.И.* (1925). Очерк истории русской текстильной промышленности, Иваново-Вознесенск.
- Тамбовцев В.Л.* (2005а). Институциональные изменения в российской экономике: 1990-е годы // *Экономическая теория в XXI веке*. 3(10). Проблемы пореформенной экономики. М.
- Тамбовцев В.Л.* (2005б). Экономическая теория институциональных изменений. М.
- Туган-Барановский М.И.* (1997). Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.
- Филаткина Н.А.* (1997). Конфессиональная ориентация рода Морозовых / Старообрядчество: история, культура, современность. Сб. тезисов III научно-практической конференции. г. Москва. 15–17 мая 1997. М.
- Шульце-Геверниц Г.* (1899). Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М.
- Crisp, O.* (1967). *Russia 1860–1914 / Cameron R. Banking in the Early Stages of Industrialization. A study of Comparative Economic History*. N.Y.
- Hayami, Y.* (1998). Norms and Rationality in the Evolution of Economic Systems: A View from Asian Villages // *Japanese Economic Review*. March. 49. 36–53.
- Ruttan, V.W. and Hayami, Y.* (1984). Towards a Theory of Induced Institutional Innovation // *Journal of Development Studies*. 20. 203–223.